

Корочкина Татьяна Алексеевна

студентка

Научный руководитель

Махмутова Каролина Александровна

ассистент кафедры

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

г. Белгород, Белгородская область

СТРАТЕГИИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

***Аннотация:** в статье исследуется структурно-институциональная природа барьеров самореализации молодёжи в условиях цифровой трансформации, институциональной неопределённости и воспроизводства социально-экономического неравенства. Успешность самореализации зависит от качества образования, межсекторного взаимодействия и социальной стратификации. Исследование сочетает анализ научной литературы. Выделены четыре ключевых барьера: ценностно-мотивационные сдвиги, разрыв между образованием и рынком труда, риски дезориентации в цифровой среде и территориально-экономическое неравенство. На их основе предложена четырёхуровневая модель стратегий, включающая институциональный, мотивационный, цифровой и адресно-стратификационный компоненты. Результаты обосновывают переход от общих мер поддержки к точечным, партнёрским и ценностно-ориентированным практикам, которые согласуют личные траектории молодёжи с общественными интересами и способствуют устойчивому развитию человеческого капитала.*

***Ключевые слова:** самореализация молодёжи, стратегии самореализации, институциональные барьеры, цифровая трансформация, социальная стратификация, межсекторное партнёрство, адресная молодёжная политика, человеческий капитал.*

Введение. В условиях глобальной трансформации социально-экономических, технологических и культурных парадигм вопрос самореализации молодёжи приобретает стратегическое значение для устойчивого развития общества. Современный мир характеризуется высокой динамичностью рынков труда, ускоренной цифровизацией повседневных практик, размыванием традиционных жизненных траекторий и ростом институциональной неопределённости, что ставит молодое поколение перед необходимостью конструирования индивидуализированных стратегий профессионального, личностного и социального становления. При этом самореализация перестаёт быть исключительно личностным выбором или результатом внутренних мотивационных процессов. Она детерминируется качеством образовательной среды, доступностью социальных лифтов, культурными нормами, региональными диспропорциями и эффективностью государственной молодёжной политики. Разрыв между ожидаемыми возможностями и реальными структурными условиями порождает феномен профессионального отчуждения, ценностной дезориентации и вынужденной адаптации, что снижает отдачу от инвестиций в человеческий капитал и тормозит инновационный потенциал общества.

Методология и методы исследования (Methodology and methods). Проблема самореализации молодёжи в современной России носит не столько индивидуально-психологический, сколько структурно-институциональный характер. Как отмечают исследователи, в условиях трансформации общественного устройства молодые люди сталкиваются с устойчивым разногласием между личностными устремлениями и реальными возможностями социума, что порождает феномен социального отчуждения и вынужденную адаптацию к ограниченным ресурсам. Данное обстоятельство формирует объективный запрос на разработку системных стратегий, способных преодолеть разрыв между образовательными траекториями, профессиональными ожиданиями и институциональной поддержкой. Исследование опирается на труды отечественных исследователей: С.А. Галстяна, С.А. Глотова, И.А. Алешковой, И.С. Шаповаловой. Методологическую основу исследования составили анализ и систематизация научной литературы. Цель

статьи: проанализировать специфику стратегий самореализации молодежи. Основная часть статьи строится на вторичном анализе социологических данных.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В работе С.А. Галстяна проблема самореализации молодёжи рассматривается через модель социально-культурного партнёрства, что существенно расширяет традиционные психологические и экономические подходы. Автор доказывает, что эффективное раскрытие потенциала молодых людей возможно только при объединении ресурсов вузов, общественных организаций, молодёжных центров и работодателей в единую систему поддержки [1, с. 160–163]. Эмпирическая часть исследования сочетает общероссийские мониторинги и авторские качественные данные. Согласно опросу НАФИ (2025), более 80% молодёжи городов-миллионников оценивает региональные возможности для развития как высокие. Данные LikePR и Aquarelle Research (ноябрь 2024 г.) показывают сдвиг в трудовых ценностях: 51% респондентов ставят профессиональную самореализацию выше заработной платы, а мониторинг ВЦИОМ (2024) подтверждает, что около 60% молодых россиян рассматривают цифровые и удалённые форматы занятости. Серия глубинных интервью в разных регионах России позволила выявить ключевые барьеры: 53% респондентов отмечают недостаток практики для применения знаний, 47% указывают на слабую координацию между вузами и внешними организациями. Успех самореализации, по мнению молодёжи, зависит от доступности возможностей (40%), качества поддержки (30%) и устойчивых социальных связей (30%). При этом 68% лидеров молодёжных организаций и 72% сотрудников вузов и центров подчёркивают необходимость системного партнёрства с бизнесом и интеграции учебных программ с реальной трудовой практикой. Методологическим ядром статьи выступает педагогика сотрудничества, которая развивает критическое мышление, проектную самостоятельность и социальную ответственность, переводя теоретические выводы в прикладные модели взаимодействия [1].

На основе этой научной работы, можно сделать вывод что, стратегии самореализации должны учитывать региональную асимметрию, трансформировать

локальные партнёрства в масштабируемые модели и включать механизмы цифровой доступности для удалённых территорий. Выявленные барьеры подтверждают, что успешная самореализация невозможна без перехода от разрозненных инициатив к системным стратегиям, включающим институциональный компонент, то есть создание межведомственных платформ и стажировочных контуров, мотивационный компонент, это трансляция альтернативных ценностных ориентиров через наставничество и гражданские инициативы и цифровизационный компонент, развитие компетенций удалённой занятости и онлайн-образования. Диагностика инфраструктурных ограничений служит основанием для проектирования стратегий, сочетающих государственные, институциональные и личностные уровни вмешательства.

Далее рассмотрим работу С.А. Глотова и И.И. Алешковой, посвящённую самореализации молодёжи в цифровой среде. Цифровизация трансформирует традиционные модели становления личности, что требует пересмотра ценностных основ и разработки адаптированных стратегий профессионального и личностного развития. Онлайн-пространство предлагает новые формы самовыражения и коммуникации, однако стирание границ между реальной и виртуальной жизнью ведёт к ценностной дезориентации: нормы и принципы, усвоенные в офлайне, часто не переносятся в цифровые практики, что ослабляет социальную сплочённость. Главным препятствием становится разрыв между техническими возможностями цифровых платформ и уровнем правовой, информационной и нравственной культуры молодёжи. Ситуация усугубляется отсутствием системных механизмов, транслирующих гуманистические, трудовые и гражданские ценности в цифровое образование и профессиональную среду. По мнению авторов, успешная самореализация в новых условиях требует развитого самосознания, согласующего личные цели с общечеловеческими и конституционными ценностями. Необходимо перейти от простого освоения цифровых инструментов к ценностно-ориентированной деятельности, основанной на уважении к закону, добросовестности и трудолюбию. Важным элементом стратегии становится

поддержка онлайн-волонтерства, гражданских инициатив и полипрофессионального развития в виртуальной среде [2, с. 132–137]

Таким образом, положения С.А. Глотова и И.А. Алешковой демонстрируют, что в условиях цифровой трансформации успешная самореализация молодёжи невозможна без перехода от фрагментарного освоения технологических инструментов к целостной ценностно-ориентированной стратегии. Выявленный авторами структурный разрыв между цифровыми возможностями и уровнем социально-правовой культуры пользователей, а также устойчивые риски ценностной дезориентации в виртуальной среде требуют пересмотра традиционных подходов к поддержке молодого поколения. Необходимо проектирование многоуровневой модели, где технологическая доступность дополняется институциональными механизмами трансляции конституционных и гуманистических ценностей, развитием цифровой правовой и информационной грамотности, а также интеграцией волонтерских, образовательных и профессиональных практик в единое цифро-реальное пространство. Подобная стратегия должна опираться не только на развитие индивидуальных компетенций, но и на создание устойчивой экосистемы, обеспечивающей гармонизацию виртуальной активности с социально значимыми целями, что в конечном итоге способствует формированию социально ответственной, профессионально мобильной и ценностно ориентированной молодёжи, способной к продуктивному становлению в условиях современного общества.

Разработка эффективных стратегий самореализации молодёжи требует учёта социального расслоения и реальных изменений в её ценностных ориентациях. По данным научного исследования Белгородской области И.С. Шаповаловой, самореализация выступает не абстрактной целью, а важным показателем качества жизни и развития человеческого капитала в регионе. Хотя 68,4% молодых людей ориентированы на реализацию своего потенциала, данные подтверждают глубокое структурное неравенство. Экономический статус остаётся главным барьером: разница в ориентации на самореализацию между обеспеченной и малоимущей молодёжью составляет 24 процентных пункта, а среди последней 22,4%

низко оценивают свои возможности – это в пять раз больше, чем в группе с высоким доходом. Значим и территориальный фактор: жители средних городов активнее ищут возможности для самореализации на 6–7% больше, чем сверстники из малых городов и сёл, что напрямую связано с концентрацией образовательных и инфраструктурных ресурсов. Меняются и приоритеты: на первое место вышли семья (60,3%) и профессиональная реализация (59,2%), тогда как творчество и общественная активность отошли на второй план, отражая стремление к личной стабильности и карьерной уверенности. Отдельного внимания требуют уязвимые группы (молодёжь с ОВЗ, родители детей-инвалидов, участники СВО и их семьи), у которых ниже ориентация на самореализацию и выше тревожность при выборе жизненного пути, хотя запрос на признание талантов и достижение мастерства остаётся высоким. Серьёзной проблемой остаётся недостаток системной поддержки: около половины респондентов развивали способности благодаря учителям, родителям или наставникам, тогда как помощь от профильных структур разрознена, а 5,4% молодёжи не получили никакой помощи и продолжают чувствовать себя нереализованными. Готовность 85,9% молодёжи применять свои таланты для развития региона часто зависит от личных условий или возможности самопрезентации, что указывает на слабое усвоение ценностей общественного служения [3, с. 128–136].

В связи с этим стратегии должны быть адресными и учитывать различия в доходах, месте жительства и социальном статусе. Необходимо создавать работающие социальные лифты, регулярно отслеживать изменения в ценностях молодёжи и объединять усилия государственных, общественных и семейных институтов. Переход от общих мер к персонализированным и обеспеченным ресурсами программам поможет снизить риски отчуждения уязвимых групп и превратить молодёжный потенциал в устойчивый драйвер регионального и общенационального развития.

Проведённое исследование подтвердило, что самореализация молодёжи в современных условиях перестала быть исключительно личностным или психологическим феноменом, трансформировавшись в сложный структурно-

институциональный процесс, детерминированный качеством образовательной среды, эффективностью межсекторного взаимодействия, цифровой трансформацией и стратификационной спецификой общества. Разрыв между ожидаемыми возможностями и реальными институциональными условиями порождает устойчивые риски профессионального отчуждения, ценностной дезориентации и вынужденной адаптации, что снижает отдачу от инвестиций в человеческий капитал и тормозит инновационный потенциал регионального и национального развития.

Анализ теоретических подходов и эмпирических данных, включая работы С.А. Галстяна, С.А. Глотова и И.А. Алешковой, И.С. Шаповаловой, позволил систематизировать ключевые барьеры самореализации. Во-первых, зафиксирован ценностно-мотивационный сдвиг в сторону утилитарно-материальных ориентаций, обусловленный доминированием потребительских моделей в медиапространстве и экономической нестабильностью. Во-вторых, сохраняется институциональный разрыв между содержанием образовательных программ и требованиями рынка труда, сопровождающийся фрагментарностью инфраструктуры поддержки творческих и профессиональных инициатив. В-третьих, цифровая трансформация, расширяя форматы занятости и самовыражения, одновременно создаёт риски ценностного размывания и виртуального эскапизма при недостаточном уровне правовой, информационной и нравственной культуры пользователей. В-четвёртых, воспроизводство экономического и поселенческого неравенства формирует стратификационную асимметрию возможностей, при которой социально уязвимые группы молодёжи сталкиваются с пониженной самореализационной ориентацией и институциональным дефицитом поддержки, несмотря на высокий запрос на признание талантов и профессиональное мастерство.

На основе диагностики ограничений сформулирована многоуровневая модель стратегий самореализации, интегрирующая четыре взаимосвязанных компонента. Институциональный уровень предполагает создание межведомственных партнёрских платформ, развитие дуальных и проектных форматов обучения, а также формирование региональных центров поддержки молодых специалистов

и креативных инициатив. Мотивационный уровень ориентирован на трансляцию альтернативных ценностных ориентиров через институты наставничества, гражданские и волонтерские практики. Цифровизационный компонент включает развитие компетенций удаленной занятости, формирование цифровой правовой и информационной грамотности, а также создание верифицированных онлайн-сред для профессиональных, образовательных и социальных проектов. Стратификационно-адресный уровень требует учёта экономической, поселенческой и статусной дифференциации, внедрения действенных социальных лифтов и разработки специальных программ поддержки уязвимых категорий молодёжи.

Заключение. В заключении следует отметить, что успешная самореализация молодёжи в современном обществе возможна лишь при условии синхронизации личностных устремлений с институциональными возможностями, формирования устойчивой экосистемы межсубъектного взаимодействия и внедрения адресных, ценностно-ориентированных стратегий. Реализация данного подхода позволит не только преодолеть феномен социального отчуждения, но и обеспечить устойчивое воспроизводство человеческого капитала, что является необходимым условием долгосрочного социально-экономического, культурного и технологического развития страны.

Список литературы

1. Галстян С.А. Самореализация молодежи в условиях социально-культурного партнерства: общественные организации, молодежные центры и вузы / С.А. Галстян // Педагогическое образование в России. – 2025. – №5. – С. 159–167. EDN HFXLRS
2. Глотов С.А. Самореализация молодежи в цифровой среде: ценностный подход / С.А. Глотов, И.А. Алешкова // Образование и право. – 2021. – № 5. – С. 232–237. – DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-232-237. EDN DWOBNC
3. Шаповалова И.С. Стратегии самореализации региональной молодежи: диспозиции, жизненные планы и стратификации / И.С. Шаповалова //

Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20. – С. 124–142. – DOI 10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142. – EDN YYKEUN.